

Экономическое положение Индии и английская политика¹

В первый раз в истории Индии, для смягчения тамошнего кризиса, одновременно назначаются две комиссии, одна под названием Королевской агрокультурной комиссии, другая — Королевской статутной комиссии.

Аграрный кризис. Королевская агрокультурная комиссия, несмотря на все свои громкие слова и предполагаемое сочувствие европейскому направлению капиталистического развития индийского сельского хозяйства, не может сколько-нибудь облегчить положения среднего и беднейшего слоев крестьянства. Главным требованием этих крестьян является земля; между тем, в задачи Комиссии не входит даже исследование существующих в Индии систем землевладения. Не принесет она никакой помощи также буржуазному и высшему слоям крестьянства, поскольку полномочия ее сводятся лишь к исследованию и улучшению положения иностранных рынков индийского хлопка и пшеницы, страдающих от конкуренции Канады и Африки. Единственное, чего Комиссии удастся достигнуть, это усиления роли феодалов и крупных землевладельцев, а также некоторого улучшения экономического положения интеллигенции, 95% которой в индийских условиях являются мелкими земельными собственниками и ростовщиками. Она выполнит рационализацию земледелия, чтобы, во-первых, приспособить его к проводимой британским империализмом общей политике экономической реорганизации, во-вторых, облегчить Индии конкуренцию с Канадой и Восточной Африкой, где финансовый капитал вкладывает огромные суммы в хлопковые плантации и т. п., и, наконец, для того, чтобы индийской интеллигенции обеспечить большую долю участия во внутренней торговле Индии. Самый состав Комиссии указывает на такое направление ее деятельности. Председателем ее является маркиз Линглитоу, крупный землевладелец в Шотландии, а членами — раджа Панагала, полуфеодалный индийский землевладелец, два представителя от интеллигенции, два от британской бюрократии и один от индийских ростовщиков. Комиссия приступила к деятельности с навязчивой идеей, что „представители кредита составляют полезнейшую секцию индийских сельских общин“ (утверждение сэра Гангарамы, одного

¹ Печатаемая статья тов. Мухарджи, редакция имеет в виду ознакомление читателей с современным экономическим положением Индии (по последним данным) и политикой английского империализма в этой стране. Редакция, однако, считает необходимым отметить, что положения автора по вопросам, выходящим за пределы характеристики экономического положения Индии, являются дискуссионными. Статья переведена с английского. Перевод А. М. Зака.

из членов комиссии (см. „Bombay Chronicle“, 3/X 1925 г.) и что „первым делом Комиссии явится смягчение безработицы среди индийской интеллигенции“ (заявление другого члена комиссии, проф. Гангули, Times 25/VII 1925). Общая политика империализма направлена к усилению в Индии власти и могущества феодальных элементов, и комиссия эта предназначена для выполнения подготовительной работы для более важной Королевской статутной комиссии.

„Bombay Chronicle“ — главный орган индийских промышленников, иронически называющий членов этой комиссии „апостолами земледелия“, в номере от 15/VII 1925 г. писал следующее: „Необходимо разоблачить неискренность изъятий заботливости об интересах сельских хозяев, изъятий, которые, сверх всяких ожиданий, приходится слышать из уст людей, не находящих ответа на справедливые обвинения по поводу экономических последствий британского управления в Индии... Все согласны с тем, что нищета в этой стране подавляющая... Но не принимаются во внимание истинные причины нищеты Индии, коренящиеся в преднамеренной политике правительства: искусственное повышение на 12,5% иностранного курса индийской валюты, закрывающее индийскому хлопку доступ на иностранный рынок; лесные законы, лишаящие земледельца возможности свободно получать топливо; законы о пастьбе, согласно которым пастьба скотины на подножном корму общественных и открытых площадей превратилась в уголовное преступление; увеличение налогов... Деньги, которые должен был бы получать земледelec, перехватываются высокими фрахтами для поддержания жизни 20.000 европейских железнодорожных чиновников на таком уровне, о котором уроженец этой страны не смеет и мечтать... Создали Департамент земледелия, являющийся убежищем для предоставления теплых местечек европейским бездельникам... Усиленное подчеркивание Биркенхедом нужд земледелия представляется просто политическим ходом для отвлечения внимания от торговли и промышленности... чтобы насильственно сохранить Индию в качестве рынка для изделий британских фабрик, вопреки интересам предприятий этой страны“.

Теория деколонизации. В действительности, все это затеяно для того, чтобы остановить индустриализацию Индии, которая быстрыми шагами подвигалась вперед за время мировой войны. В настоящее время конкуренция индийского хлопка и пшеницы с канадскими и африканскими не уступает конкуренции между тяжелой индустрией Индии и Англии. Вот настоящий ключ к пониманию индийской политики. В известных кругах соперничество это отрицается и вместо того распространяется теория, что в Индии развивается процесс деколонизации... и нынешняя политика империализма направлена к тому, чтобы Индия „превратилась в современную промышленную страну и заняла место в Британском союзе в качестве свободной нации“. По этой теории империализм собирается предоставить Индии „положение доминиона, подобно Канаде и Австралии“, при котором индийским капиталистам не на что будет жаловаться, и т. п. И нет ничего более ошибочного, чем эта теория деколонизации, провозглашающая под'ем независимого индийского капитализма. Это не согласуется с учением Маркса и Ленина.

Индия и политика британских парламентских партий. Главным источником этого заблуждения является излишняя вера в старую легенду о том, что Индия, якобы, стоит вне политики британ-

ских партий. Политика либералов в довоенное время стремилась способствовать индийской промышленности, и сторонники теории деколонизации не могут заметить разницы между этой политикой и политикой Болдуина во время наступившего после 1920 г. кризиса, — только потому, что придают слишком много веры вышеупомянутой легенде. В индийской политике либералы и консерваторы всегда стояли на разных полюсах. Основным пунктом политики либералов было развитие покупательной способности Индии путем содействия ее торговле и промышленности, между тем как политика консерваторов в основе своей сводилась к удушению промышленного развития Индии во что бы то ни стало и к поддержанию ее феодальных элементов. Политика либералов в течение первого пятидесятилетнего их правления от 1845 до 1895 гг. принесла Индии товаризацию продуктов сельского хозяйства, железные дороги, телеграф, полупенсовую почту и машинную индустрию, существующую с 1851 г. Кроме того, они ввели в Индии западное образование и университеты. Наконец, они привлекли индийских купцов к участию в качестве помощников в индийской и западной торговле, особенно в индо-китайской торговле опиумом. Короче говоря, благодаря своей прогрессивной политике, либералы школы Гладстона, уйдя от власти в 1895 г., оставили после себя в Индии довольно хорошо организованные слои буржуазии. По словам сэра Теодора Моррисона, „превращение Индии из страны чисто земледельческой в страну отчасти промышленную и торговую началось в 1892 г.“ („Indian Industrial Transition“, стр. 178). С другой стороны, Индия сделалась обширнейшим рынком для сбыта британских товаров, а дешевизна индийского хлопка и пшеницы способствовала сохранению низкого уровня британской прожиточной стоимости.

Иной была политика консерваторов. Подчиняя ее хлопчатобумажным интересам Манчестера, они смотрели с подозрением на промышленный прогресс Индии, направлявшийся в сторону развития хлопчатобумажной промышленности. Они пользовались всякой возможностью для того, чтобы приостановить индустриализацию Индии. Так, в 1860 г. они установили подоходный налог, весьма обременительный для зачаточной индийской буржуазии; в 1877 г. ввели покровительственный тариф в пользу Манчестера, направленный против интересов индийской фабричной продукции; наконец, при падении либерализма, придя к власти в 1896 г., они обложили индийскую фабричную продукцию 3,5% налогом, а после этого, в 1899 г., стремясь в корне подрезать накопление индийского капитала, поставили себе целью ограничение индийского экспорта путем повышения иностранного курса индийской рупии от номинальной стоимости в 1 шилл. 2 пенса в серебряной монете до мнимого золотого курса в 1 шилл. 4 пенса. Это было проведено несмотря на сильнейшую оппозицию со стороны индийской буржуазии. Основной характер индийской политики консерваторов лучше всего выражен в немногих словах сэра Джона Стрэчи, консервативного министра финансов Индии. „Нам часто говорят, — заявил он, — что долгом правительства Индии является забота только об индийских интересах и что если страдают интересы Манчестера, то нас это не касается. Интересы Манчестера, над которыми смеются глупцы... это интересы англичан... А по моему мнению, нет более высокого долга, нежели долг по отношению к своей родной стране“ (P. Pillai, „Economic Conditions of India“, 1921, стр. 41). Консерваторы

всегда старались поддерживать в Индии феодальные элементы, желая привлечь их в свой лагерь для совместной борьбы с индустриализацией и общим буржуазным развитием.

Итак, мы видим, что теория, по которой „Индия стоит вне политики партий“ является сплошным вымыслом. Есть две политики, два пути эксплуатации Индии, друг другу полярно противоположные.

Беря статистические отчеты о состоянии торговли за два типичных периода либерального и консервативного правлений, по 13 лет каждый, мы находим там следующие цифры:¹

	Рост внешней торговли (в % 0/0)			
	1879—1892		1895—1907	
	(при либералах) Всего	За год	(при консерваторах) Всего	За год
Экспорт готовых изделий	211	16	100	7,7
„ сырых материалов	43	3,3	40	3,07
Импорт готовых изделий	39	3	93	7,15
„ сырых материалов	91	7	65	5,0

Приведенная таблица показывает общее падение экспорта за время консервативного правления, при чем экспорт готовых изделий уменьшился более, чем на половину. Упал также и импорт сырых материалов. В то же время импорт готовых изделий возростал необычайно усиленным темпом. Однако, невозможно увеличивать импорт до бесконечности, если одновременно с этим искусственно понижать покупательную способность страны. Результатом этого явился кризис 1905 г., приведший вскоре к зарождению индийского революционного движения.

В 1899 г., когда пост вице-короля Индии занял лорд Керзон, на политической арене Индии появился новый фактор — финансовый капитал. С 1885 г. финансовый капитал проникал в Индию непрерывно. Теперь же имелось в виду оказать ему государственную поддержку для более глубокого его проникновения в горную промышленность, чайные плантации и т. д., что значительно способствовало бы смягчению кризиса. Этот толчок капиталистическому развитию предполагалось дать, не ослабляя в то же время нажима на индийскую капиталистическую промышленность и не внося каких-либо изменений в прежнюю консервативную политику. Чтобы облегчить финансовому капиталу доступ в Индию, был создан новый департамент — Департамент промышленности и торговли, — и произведено тщательное исследование минеральных богатств Индии. В результате последовало сильнейшее развитие горной промышленности и плантаций. Но так как для проведения этой работы не хватало средств, то правительство ввело новый налог на экспорт — чайный налог 1904 г. и, наконец, обратилось к выкачиванию денег у помещиков (раздел Бенгалии).

Консервативная политика удушения капиталистического развития Индии вызвала сильную оппозицию со стороны буржуазии; с 1897 года начали организовываться профессиональные союзы, что указывало на недовольство в среде рабочих; падение экспорта сырья явилось причиной недовольства крестьян; увеличение налогов достигло своего высшего предела, заставив, в конце концов, и бенгальских землевладель-

¹ Pillai, цит. работа, стр. 32.

цев присоединиться к другим недовольным группам индийского населения. Объединение всех этих сил привело к возникновению движения „свадеш“, т.-е. к бойкоту английских товаров 1905—11 гг. Понижение покупательной способности индийского населения и, следовательно, огромное падение торговли с Индией, этим некогда крупнейшим, рынком сбыта британских изделий, создали не меньший кризис в Англии. В результате этого, консерваторы должны были в 1906 г. уступить власть новым либералам, во главе с Асквитом. Однако, еще при консерваторах, в интересах финансового капитала, индусам был открыт доступ к техническому образованию, что принесло Индии огромную пользу. Толчок к развитию металлургии вызвал приток в эту отрасль промышленности индийского капитала. Так, проект ныне знаменитого „Тата Айерн анд Стил Уоркс“ был создан еще в 1905 г., хотя фактически был осуществлен лишь после 1908 г., когда либералы отменили установленное консерваторами в отношении индийских капиталистов эмбарго.

Новое либеральное правительство видело беспрецедентное промышленное развитие Индии. Хлопчатобумажная промышленность, 98% которой принадлежит индийскому капиталу, насчитывала в 1897 г. 136 фабрик с капиталом в 116 млн. рупий. За 13 лет консервативного правления темп ее роста выразился в увеличении числа предприятий на 5,6% и капитала на 3,4%. Между тем, в течение следующих 9 лет либерального правления — с 1906 по 1914 гг. — количество предприятий увеличилось на 6%, а капитал на 9%. В 1913/14 г. насчитывалось 241 текстильных фабрик, с капиталом в 211 млн. рупий, выпускавших 689 млн. фунтов пряжи и 1.164 млн. ярдов ткани против импорта в 52 млн. фунтов пряжи и 3.197 млн. ярдов ткани (Commercial Statistics, 1921, pp. 55, 59, 67, 130). При этом индийский капитал уже не ограничивался хлопчатобумажными предприятиями; следуя по стопам британского финансового капитала, он распространил свои предприятия во всех других отраслях промышленного производства. В 1911 г. было 7.113 фабрик и железнодорожная сеть протяжением в 33.000 миль; обслуживалось это 2,5 миллионами рабочих. Наиболее значительным предприятием являлся железодельательный и сталелитейный завод „Тата“ (Tata Iron and Steel Works).

Война и рост промышленности Индии. По совету либеральных правителей, весь капитал завода „Тата“ был собран среди индейцев, которые также и управляли им, придавая ему национальный характер, чтобы тем самым обеспечить особое покровительство государства. Потом разразилась мировая война, и с нею для Индии наступило бурное развитие промышленности.

„Я с трудом могу представить себе, — пишет вице-король Индии, лорд Чельмсфорд, — что бы мы делали, если бы „Тата Айерн анд Стил Уоркс“ не снабдил нас стальными рельсами, которых хватило бы не только для Месопотамии, но также и для Египта, Палестины и Восточной Африки“ (Chirole, India New and Old, p. 248).

Таков был дух, внесенный в индийскую политику под давлением военной необходимости. Находясь в этом благоприятном положении, Индия получила „такое развитие в течение немногих лет, для какого при других условиях потребовался бы период одного поколения“ (Balfour Committee Report on World Trade and Industry, p. 279). В 1921 г. в Индии насчитывалось 15.606 фабрик и 37.300 миль жел.-дор. пути, что вместе

давало работу 4,5 млн. рабочих, которые со своими семьями составляли 3% всего населения. До войны все промышленные предприятия Индии нуждались в поставках из-за границы не только в отношении машинного оборудования и инструментов, но также и для складов и для получения материалов, необходимых в повседневной работе. Во время войны, когда поставки из-за границы прекратились, индийские предприятия, благодаря особому покровительству правительства (Департамента снабжения), были поставлены в независимое положение. Кроме того, Индия впервые получила собственные пароходные линии с тоннажем приблизительно в 60.000 тонн. Но самое важное, в чем выразилось ее промышленное развитие, — это баснословные прибыли промышленности, превысившие даже традиционный ростовщический процент. Общие прибыли бомбейских текстильных фабрик, составлявшие в довоенное время 37 млн. рупий, достигли в 1917 году 67 млн., а в 1920 г. — 165 млн. рупий (Vanguard, Vol. IV, № 6). И эта высокая прибыль, в которой концентрировалось все капиталистическое накопление, направлялась на нужды дальнейшего развития промышленности. Продукция индийских хлопчатобумажных фабрик в 1921 г. дошла до 722 млн. фунтов пряжи и 1.700 млн. ярдов ткани, помимо 1.000 млн. ярдов продукции ручных станков, против импорта в 38 млн. фунтов пряжи и 1.127 млн. ярдов ткани (Statistical Abstract, 1925, p. 579). При этих обстоятельствах Индия получила политические реформы 1919 г., т.-е. выборную центральную законодательную палату, с правом строить собственную фискальную политику. Кроме того, Индии было обещано создание „Имперского комитета промышленности“, предназначенного содействовать дальнейшему развитию индийских промышленных предприятий (Balfour Report, p. 280) Когда это вызвало жалобы представителей манчестерской промышленности, то тогдашний либеральный министр, Монтэгу, ответил им следующими словами:

„Я решительно стою за то, чтобы правительству Индии было предоставлено право заботиться прежде всего об Индии... и проводить такую тарифную политику, какую оно считает наиболее соответствующей собственным нуждам страны“ (Indian Fiscal Commission Report, 1923, p. 4).

Это было кульминационным пунктом индустриального развития Индии. Новая фискальная политика в Индии. Так как Индия соперничала теперь не только с Манчестером, но в такой же степени и с британской тяжелой индустрией, то английские фабриканты были напуганы таким заявлением, и в коалиционном правительстве произошел раскол. Либеральные министры, Монтэгу и Ллойд-Джордж, принуждены были уйти в отставку, после чего было образовано чисто консервативное правительство, во главе с Болдуином. Первым шагом нового кабинета был отказ от обещанного ранее создания „Имперского комитета промышленности“, после чего последовало ограничение независимости индийской фискальной политики. В 1922 году, когда общая импортная пошлина в Индии была повышена с 11% до 15%, для текстильного импорта был сохранен прежний тариф. Таким образом, было положено начало новой политики, которая является возвратом к старой консервативной тактике, в ее синтетической форме. Синтетической она является потому, что вместо удушения индустриального развития Индии в целом, новое консервативное правительство поддерживает некоторые отрасли промыш-

ленности; особенно текстильную и отчасти горную, подавляя в то же время основную тенденцию к развитию, и прежде всего тяжелую индустрию; при этом оно стремится создать единый фронт с индийскими феодалами и представителями интересов хлопчатобумажной промышленности, в расчете найти у них поддержку своей политики.

Новая экономическая политика британского империализма. До мировой войны преобладающее положение в британском производстве занимала не тяжелая, а текстильная промышленность. В результате войны, давшей толчок развитию текстильной промышленности во всех колониальных и отсталых странах, Англия пострадала экономически сильнее, чем Германия. Придя к власти, консерваторы сделали трезвый анализ сложившейся мировой ситуации. Анализ этот показал, что в странах, бывших прежде английскими рынками, в том числе и в Индии, обосновалась своя текстильная промышленность, которая при национальной поддержке сможет легко развиваться. Однако, международная торговля от этого не сократится. „Новая промышленность,— говорится в отчете комиссии Бальфура,— создает новый спрос на машины и материалы... Новые текстильные фабриканты производят грубые товары, и непосредственным результатом этого является не сжатие нашей международной торговли, но переход на все более тонкое качество продукции“ (там же, стр. 11, 12). „Торговля,— говорится в заключительной части отчета,— направится по другому пути, и при условии полной реорганизации промышленности Британия сможет занять свое прежнее преобладающее положение, поскольку она представляет кредитующую нацию с неограниченным полем для вложения капиталов... Нью-Йорк соперничает теперь с Лондоном в качестве международного центра, предоставляющего капитал для вложения... Но Лондон остается вне конкуренции, как банковский центр, как мировой рынок учета и страхования... Такое положение уже само по себе показывает, что наше коммерческое преобладание утеряно нами не в столь сильной степени, как это принято думать“ (Round Table, № 67). Возрождение промышленности предполагается осуществить путем сосредоточения текстильного производства на более тонкой продукции, превращения тяжелой индустрии в важнейшую отрасль промышленности, электрификации промышленных предприятий и увеличения их технической производительности и, наконец, создания новых отраслей производства, как-то: электрической, химической и т. д. Комиссия допускает, что такая реорганизация является слабым утешением для старых производителей, не могущих извлечь из нее никакой выгоды для себя лично, но в то же время признает благотворность ее с точки зрения интересов нации в целом (Balfour Report, p. 12).

Таково содержание новой экономической политики правительства Болдуина, и по такому именно направлению развивалась британская политика с 1922 г.

В частности, производство стали и железа развивалось следующим образом:

	Средне-месячное производство чугуна и литой стали ¹	
	(В тыс. тонн)	
	Чугун	Сталь
1913	355	638
1924	609	706
1927 (январь—сентябрь)	618	710

¹ The Statist, 15 октября 1927 г.

Точно также и продукция электротехнической промышленности поднялась с 13 млн. фунт. стерл. в 1917 г. до 64,5 млн. фунт. стерл. в 1924 г. и 80 млн. фунт. стерл. в 1926/27 г. Доля экспорта в отношении ко всей продукции увеличилась за последние несколько лет с 25% до 40%. „В организационном отношении эта отрасль развивалась на основе „комбинирования“ в большей степени, нежели все другие... Британская электротехническая промышленность в настоящее время идет впереди всех своих соперников“ („Economist“, 15/X 1927 г.). Комментируя общее экономическое положение британского империализма, „Economist“ пишет: „Положение угольной и хлопчатобумажной промышленности значительно улучшается... В Англии развились новые отрасли производства, как-то: моторостроительная, электротехническая, искусственно-шелковая и химическая; они компенсируют потери в хлопчатобумажной промышленности“ (15/X 1927 г.) Итак, мы видим, что благодаря этой новой экономической политике консерваторы достигают относительной стабилизации. Дальнейшему и более быстрому прогрессу способствует наблюдаемое нами слияние банков и амальгамирование таких мощных концернов тяжелой индустрии, как Виккерс и Армстронг. Благодаря происшедшему недавно слиянию Ливерпульского и Ланкаширского банков, Англия превратилась в сильнейшее в Европе финансовое агентство, под контролем которого находится сосредоточенный в одних руках банковский капитал на сумму свыше 100 млн. фунт. стерл. („Economist“, 3/XII 1927 г.). Англия чувствует себя сильнее Соед. Штатов и в области торговли. Так, тот же „Economist“ (15/X 1927 г.) пишет:

„Курс доллара нам благоприятствует и достиг уже высшего, после 1914 г., предела... Не впадая в преувеличение, мы можем рассчитывать на передвижение золота с западного побережья Атлантического океана на восток. Все это является, прежде всего, следствием дешевизны денег в Соед. Штатах. Эта дешевизна денег объясняется тем, что американская торговля расширяется не столь быстро, как это наблюдалось в течение последних лет, и в настоящий момент находится в довольно неподвижном состоянии“.

Империалисты видят выход из послевоенного хаоса. И является азбучной истиной, что на всякий фактор, противодействующий этой экономической политике, будет обрушена вся сила британского империализма.

Индо-британская конкуренция. Ключ к пониманию нынешней индийской политики Англии следует искать не в речах и не в политических декларациях, а в области экономики, в том, насколько индустриальное развитие Индии является препятствием для британской политики реорганизации и стабилизации.

Несмотря на то, что развитие индийских предприятий наблюдалось преимущественно в текстильной промышленности, первая протекционистская мера была принята в отношении тяжелой индустрии, изданием в мае 1924 г. акта о покровительстве стальной промышленности. Результатом его явилось необычайное развитие тяжелой индустрии. Этот акт был принят лишь на период трех лет, при чем было вычислено, что в течение этого периода он будет способствовать увеличению индийской продукции с 46.000 тонн до 264.000 тонн, при уменьшении импорта лишь на 118.000 тонн (Balfour Report, p. 280). Действительность превзошла все ожидания и показала, насколько жизненны заложенные в Индии про-

мысленные возможности и к какому она способна развитию, если будут устранены все внешние стеснения. Так, завод „Тата-Уоркс“ почти удвоил свои размеры и обслуживается сейчас 55.000 рабочих. Кроме того, созданы: „Полуостровное паровозостроительное акционерное общество“ с 5.000 рабочих, „Бенгальский железоделательный завод“ с 12.000 рабочих, „Южно-индийские железнодорожные мастерские“ для производства паровозов и вагонов, с 5.000 рабочих, „Индийский железоделательный завод“, с 8.000 рабочих, „Мисорский железоделательный завод“, „Индийское производство стали“ „Русса Айерн Уоркс“ и т. д.

Общее количество рабочих, занятых в металлической промышленности, составлявшее в 1911 г. только 71.045 человек, в 1921 г. достигло 170.000, а в 1926 г.—250.000. Следующие цифры показывают, как развивалось производство (в тыс. тонн):¹

	1924/25	1925/26	1926/27
Чугун	884	875	956
Сталь	370	471	530
Готовый стальной продукт .	248	320	374

Средняя месячная производительность одного лишь завода „Тата-Айерн Уоркс“ в 1927 г. составляла: чугуна — 47.565 тонн, литой стали — 46.245 тонн, твердой стали — 32.673 тонны („Capital“, 18/XII 1927 г.).

Общий импорт промышленных изделий в Индию, составлявший 76,6% всего импорта в довоенное время, понизился до 74,3% в 1925 г. и 72,8% в 1926/27 г. Общий экспорт промышленных изделий из Индии, составлявший в довоенное время 23,1% всего ее экспорта, повысился в 1925 г. до 23,9% и в 1926/27 г. до 28,3% („Capital“, 22/IX 1927 г.). Это внезапное повышение промышленного экспорта, при одновременном понижении импорта, находится в прямой связи с толчком, полученным тяжелой индустрией в результате покровительственного акта 1924 г. До 1921/22 г. общий экспорт Индии по всем металлам составлял едва 127.000 тонн (Statistical Abstract, 1925, p. 431). Благодаря этой покровительственной политике, в 1925/26 г. Индия экспортировала 382.000 тонн одного лишь железа и стали, из которых 156.000 тонн пошло в Соед. Штаты, 140.000 тонн в Японию, 20.000 тонн в Англию, 11.000 тонн в Германию, 27.000 тонн, в Италию и Францию и 28.000 тонн во все прочие страны. В то же время импорт железа и стали в Индию упал с 1.028.000 тонн в 1913/14 г. до 750.000 в 1926/27 г. Доля же в этой торговле Соединенного Королевства понизилась с 59,8% довоенного времени до 50% в 1926/27 г. „Импорт чугуна,— пишет „Capital“ 29/IX 1927 г.,— составляет в настоящее время почти незаметную величину“.

Количество продукции, выпускаемой индийской тяжелой индустрией, само по себе не имеет столь большого значения, чтобы это могло привести к такому же соперничеству с британскими фабрикантами, какое в довоенное время существовало между ними и Германией. Важнее всего здесь были потенциальные возможности индийской промышленности, ее огромная прибыльность (средняя годовая прибыль компании „Тата-Айерн Уоркс“ за 1921—26 гг. составляла 15,5%) и те заманчивые перспективы, которые она представляла для привлечения в Индию иностранного капитала.

¹ „Capital“, 29/IX 1927 г.

Опасения британских фабрикантов вызывались не столько количеством фактически выпускаемой продукции, сколько темпом ее роста. Однако, железо, взятое вместе с другими быстро развивавшимися отраслями индийской промышленности, как-то: олово, свинец, джут, спичечное производство, кожевенные изделия, цемент и т. д., в каждой из которых Индии приходилось конкурировать с британскими производителями, представляло уже фактор совершенно иного значения. Благодаря индустриализации Индии, Британия понесла в индийской торговле огромные потери, которых нельзя не заметить. В довоенное время доля Британии в индийском импорте составляла 64,1% всего импорта. Между тем, в 1925/26 г. она понизилась до 51,4%, а в 1926/27 г. составляла уже только 47,8%.

Антииндустриальная политика Болдуина в Индии. „Влияние индустриального развития Индии,— пишет д-р Мик, директор Индийского коммерческого бюро,— отражается на импортном деле“ („Capital“, 29/IV 1927 г.). С этим господствующая политика не могла мириться. Это было прямым вызовом Англии, препятствием той самой стабилизации, которая является для британского империализма столь жизненной необходимостью. Итак, мы наблюдаем непосредственный конфликт между индийскими и британскими промышленниками. Поддержка последних, Болдуин и Биркенхед обрушились на Индию с политической удушения индийской индустриализации. Вот что пишет по этому поводу „Bombay Chronicle“ (15/VII 1925 г.): „Индийская промышленность задевает интересы английского рынка. Англия, очевидно, решила насильственно сохранить Индию, как рынок для изделий своей собственной промышленности, вопреки интересам нарождающейся промышленности этой страны... В Англии есть направление, рассматривающее развитие в Индии промышленности как ошибочный ход, который в конечном счете приведет к потере Индии... К этому направлению принадлежит Биркенхед“.

Новая политика и должна была явиться ударом молота по голове индийской индустриализации. Это было сделано, прежде всего, отказом от создания „Имперского комитета промышленности“, затем отказом от обещанного уже предоставления государственной помощи новым, пробивающим себе дорогу предприятиям, несмотря на то, что в 1922 г. законодательное собрание ассигновало для этой цели 1.500 млн. рупий. Правительство отказалось даже выполнить конкретные обещания, данные им по прежним поводам, и все предприятия, которые были вызваны этим к существованию, должны были попросту закрыться. Наиболее выдающиеся примеры этого рода представляют „Джамшедпурская компания производства стальной проволоки“, „Полуостровная паровозостроительная компания“ и „Мадрасские бумажные фабрики“. Но наиболее пагубным оказался раскол законодательного собрания, которого правительству удалось добиться путем использования земельных интересов во вред промышленным предприятиям. После тщательного рассмотрения дебатов законодательного собрания по поводу билля о покровительстве стальной промышленности 1924 г., комиссия Бальфура наметила для британской дипломатии следующий путь:

„Покровительство индустрии железа и стали является для британских фабрикантов делом жизненной важности... Недавние дебаты по поводу акта о покровительстве стальной промышленности ясно показы-

вают, что законодательное собрание отнюдь не единодушно в своих симпатиях к протекционизму... Это чувство еще более усиливается по отношению к более мелким предприятиям, особенно же к таким, хозяевами или управляющими которых являются европейцы. Представляется вероятным, что применение системы покровительства к этим предприятиям встретит гораздо более резкую оппозицию... Правительство Индии едва ли даст свою санкцию на крайние меры протекционизма... ибо на нем попрежнему лежит обязанность защищать интересы огромных групп земледельцев... Есть основания полагать, что после нескольких лет протекционистской агитации представители народа (читай: помещиков) придут к заключению, что важнейшие их интересы заключаются не в искусственном поощрении промышленных предприятий, которые поглощают их труды в больших городах и притязание которых на покровительство, в случае его удовлетворения, привело бы к вздорожанию жизни во всей стране" (Balfour Report, p. 283).

Следуя этому указанию, консерваторы сразу же превратились в „апостолов земледелия“. Мы уже видели, что это в действительности означает. Несомненно одно, что в продолжение этой политики разделения Индии на две группы: сторонников и противников индустриализации, правительство намеренно разжигало гибельную „индо-мусульманскую“ религиозную рознь, беспощадно опустошающую Индию к великой опасности для будущего прогресса. Результат этой политики оказался для промышленности гибельным именно в той мере, в какой это требовалось. При поддержке землевладельцев, особенно мусульман-землевладельцев, в марте 1927 г. правительство провалило билль о покровительстве стальной промышленности и, вместо того, провело билль, устанавливающий привилегированный тариф для британской продукции. Подобным же образом, оно провело билль о валюте, направленный к тому, чтобы в корне подрезать капиталистическое накопление Индии путем удорожания индийского хлопка, пшеницы и прочих предметов экспорта на 12,5% и, тем самым, лишения их иностранных рынков. Оно провело целый ряд других подобных же актов, которые, как мы увидим в дальнейшем, прямо противоположны интересам индийской буржуазии, а также и пролетариата. Гибельные последствия этого для промышленности лучше всего выясняются из следующей таблицы, показывающей состояние зарегистрированных в Индии акционерных компаний по годам (по данным „Capital“, 22/IX 1927 г.; см. табл. на стр. 219).

Картина эта станет яснее, если мы рассмотрим, какова природа компаний, зарегистрированных в настоящее время и в 1921 г. Из компаний, зарегистрированных в 1921 г., 55% составляли промышленные концерны, 25% банки и кредитные товарищества, 18% торговые предприятия, в том числе железнодорожные и пароходные, и 2% все прочие. В состав компаний, зарегистрированных в первой половине 1927 г., входило 8% индустриальных предприятий, 6% горнопромышленных, 7% банков, 40% кредитных товариществ и 39% торговых и прочих („Capital“, 18/VIII 1927 г.). Гибельнее всего отразилась эта политика на тяжелой индустрии.

„Нерешительная политика Железнодорожного комитета,— пишет „Capital“ (29/IX 1927 г.),— имела своим последствием то, что производство паровозов в этой стране откладывается на целое поколение. Однако, вопреки всем капризам бюрократизма, некоторым вагоностроительным

Г о д ы	Число зарегистрированных компаний	Индекс	Совокупн. осн. капитал. (в тыс. руп.)	Индекс	Средний капитал на кажд. комп. (в тыс. руп.)
1913/14	356	100	669.153	100	1.879
1920/21	1.037	292	1.480.370	221	1.424
1921/22	717	201	808.375	121	1.127
1922/23	496	139	344.177	51	694
1923/24	430	124	264.978	40	618
1924/25	416	115	212.325	31	509
1925/26	473	133	300.004	45	634
1926/27	437	121	191.390	29	356

Фирмам удалось сохранить свое существование, и следовало бы оказать всестороннее и сильное давление на правительство Индии для использования максимальной производительности этих концернов“. Эти строки, принадлежащие перу либерально-настроенного империалиста, дают самое точное представление о положении и судьбах индийской тяжелой индустрии. Одновременно с этим мы наблюдаем сильнейшее сокращение иностранного рынка для индийского чугуна и стали. Вследствие обусловленного валютной политикой 12,5-процентного повышения цен, Америка, являвшаяся главным покупателем индийского железа, сократила свои закупки на 74%. В 1926/27 г. заказы Соед. Штатов уменьшились с 156.000 тонн до 41.000 тонн. Подобным же образом, германские закупки упали с 8.000 тонн до 3.000 тонн, а британские сократились на 4.000 тонн („Capital“, там же). Размеры кризиса таковы, что вызвали вынужденную ликвидацию таких предприятий как „Полуостровная паровозостроительная компания“, „Южно-индийские железнодорожные мастерские“, „Компания производства стальной проволоки“, а также ряда других мелких концернов. Правительство купило первый из упомянутых концернов, другие же распродают строения и машинное оборудование по цене, составляющей 40% их настоящей стоимости. Акции „Тата-Айерн Уоркс“ упали со 100 рупий до 53 рупий; акции „Русса Энджиниринг“ до 19 рупий; „Компаний производства стальных изделий“ до 8 рупий; „Кумардуби Энджиниринг“ до 42 рупий и т. д. Избежать этой участи удалось лишь Бенгальскому и Индийскому железодельным заводам: они принадлежат иностранному капиталу и управляются фирмами, которые владеют собственной обширной сетью железных дорог, обслуживающих эти предприятия.

Все вышеупомянутые концерны вынуждены ликвидироваться потому, что не могут соперничать с британской промышленностью, пользующейся покровительством привилегированного тарифа, а также потому, что Железнодорожный комитет (правительственная организация, уполномоченная для закупки всех материалов для индийских железных дорог) упорно покупает британские товары предпочтительно перед изделиями индийских предприятий, если бы даже последние и могли с ними конкурировать. С одной стороны, мы читаем: „Железнодорожный комитет пришел к заключению, что индийские железные дороги в состоянии успешно выполнить при существующем составе все перевозки, которые могут

представиться в 1928/29 г., а возможно и в течение еще нескольких лет" („Capital“ 8/IV 1927). Между тем, несколькими месяцами позже мы узнаем, что правительство разместило ряд крупных железнодорожных заказов между британскими фирмами. Так, 47 паровозов заказаны заводу „Вулкан Уоркс“ в Глазго, 26 — Армстронгу, подобные же заказы фирме „Рэнсом и Рэпьер“ и нескольким другим британским фирмам („Capital“, 29/IX 1927). Не указывает ли это на политику, сознательно направляемую к подавлению индийской индустрии в британских интересах? М-р Субедар, директор-распорядитель „Полуостровной паровозостроительной компании“ в своем интервью по вопросу о причинах ее ликвидации сообщает следующее:

„Я не должен указывать на общественную сторону этого вопроса, иначе говоря, на безответственное разрушение производства в Индии паровозов и вагонов и на препятствование развитию железнодорожных предприятий, учреждение которых было прямо обещано правительством Законодательному собранию, санкционировавшему программу на 1.500 млн. рупий. Правительство не смогло дать в собрании ответ на запросы относительно своей бессмысленной покупки, которая и вызвала создавшееся положение. Тарифный департамент также отказался дать ответ на запрос о покровительстве вагоно-и паровозостроительным предприятиям“ („Capital“, 8/IV 1927).

Правление Акц. общ. производства стальной проволоки, находящегося в состоянии ликвидации, объясняет, что предприятию этому благоприятствовало оживление военного периода и покровительство правительства во время действия „акта о государственной помощи промышленным предприятиям“. Без этого покровительства предприятие не могло существовать и ликвидируется именно в силу отказа правительства от дальнейшей его поддержки („Capital“, 10/XI 1927 г.). Не в лучшем положении находятся и все другие производства, за исключением некоторых сортов хлопчатобумажной пряжи. Экспорт марганца уменьшился в 1926/27 г. на 46.000 тонн, вольфрама на 50% прежнего размера, хрома на 40%. Свинцовое и типографское литейное производство, недавно процветавшее, находится теперь под непосредственной угрозой. „Владельцы бомбейских типографских литейных, — сообщает Bombay Chronicle, — заявили индийскому правительству протест против сделанного последним предложения предоставить 27,5-процентную премию иностранным импортерам типографских шрифтов, свинца и других предметов, применяемых для печатных станков“ (5/IX 1927). Цементная промышленность, отлично процветавшая и без всякого покровительства, конкурировавшая своими ценами с британским цементом, находится теперь также под угрозой, так как правительство намеревается передать заказ на 150.000 тонн британским производителям, под тем предлогом, что „если контракт будет заключен с индийскими производителями, то они сразу повысят цены, а это будет противоречить интересам налогоплательщиков“ („Capital“, 2/XI 1927 г.). Добыча индийского угля, доходившая в 1921 г. до 22,5 млн. тонн, уменьшилась на 5 млн. тонн. Благодаря 12,5-процентному повышению курса рупии, индийский уголь не только не может конкурировать с пользующимся привилегиями углем Натала (Южная Африка), но с трудом сохраняет свое место даже на бомбейском рынке, куда он доставляется из Бенгалии,

Экспорт индийского угля, составлявший в довоенное время свыше 700.000 тонн в среднем, не доходил в 1924 г. и до 100.000 тонн, тогда как импорт его поднялся от незначительного количества в 30.000 тонн в 1919/20 г. до 1.501.000 тонн в 1922 г. и продолжает подниматься (Statistical Abstract, pp. 419,429). Хотя в 1924 г. Центральное законодательное собрание приняло резолюцию о покровительстве этой отрасли промышленности путем установления низких железнодорожных тарифов и обложения импорта пошлинами, эквивалентными получаемым натальским углем премий или субсидий, — однако, это не было полностью осуществлено. Благодаря таможенному протекционизму в Индии сильно развилось производство оцинкованного листового железа, вопреки интересам британского рынка. Для предотвращения этого и следуя намеченной политике подавления промышленности Индии, правительство уменьшило покровительственный тариф с 85 рупий до 42 рупий за тонну (Bombay Chronicle 13/I 1927 г.).

В джуто-текстильной промышленности, на 100% находящейся под контролем европейцев, несмотря на то, что половина вложенного в нее капитала принадлежит индийцам, — сильнейшим конкурентом Калькутты является Дунди (город в Шотландии).

Нисколько не лучше положение индийской бумажной промышленности. Количество бумажных фабрик сократилось с 9 в 1917 г. до 6 в 1926 г., а продукция упала с 32.000 тонн до 25.000 тонн. В первую очередь предстоит ликвидация тех фабрик, которые пользовались поддержкой правительства, а именно, Мадрасских бумажных фабрик и других предприятий того же рода (Statistical Abstract, p. 539, и „Capital“, 20/X 1927). Шерстяная промышленность, прогрессирующая во время войны и в годы, непосредственно за нею следовавшие, переживает тяжелый упадок. Если старые концерны кое-как еще поддерживают свое существование, то все новые предприятия пришли к ликвидации, в том числе такие хорошо финансируемые, как „Бомбейские шерстяные фабрики“, имевшие оборотный капитал в 10 млн. рупий. Убытки, понесенные в 1925—27 гг. держателями акций, в результате этих ликвидаций одних лишь крупных концернов, составили в общей сложности приблизительно 100 млн. рупий; а в одной лишь тяжелой индустрии — 25 млн. рупий. Помимо того, это лишило работы 150.000 квалифицированных рабочих.

Перед лицом таких цифр, кто может еще отстаивать теорию „деколониализации“ Индии?

Единственная промышленность, которая производит впечатление процветающей, это хлопчатобумажная. Но хлопкоочистительная отрасль этой промышленности, дававшая работу 118.000 рабочим, переживает сейчас большую депрессию в связи с упадком экспорта хлопка. В 1926/27 г. количество выработанной хлопчатобумажными фабриками пряжи превысило довоенный уровень на 18%. Количество выработанной ткани возросло по сравнению с предыдущим годом на 16%. Ниже приводится сравнительная таблица продукции и импорта, начиная с 1901 г. (в млн. ярдов):¹

¹ „Capital“, 16/VI 1927 г.

Годы	Импорт	Индийская продукция	Всего
1901/02	2.190	511	2.701
1913/14	3.197	1.164	3.361
1921/22	1.090	1.732	3.822 (ручн. способом 1.000)
1922/23	1.593	1.725	3.318
1923/24	1.486	1.702	3.188
1924/25	1.823	1.970	3.793
1925/26	1.564	1.954	3.518
1926/27	1.766	2.259	4.025

Теоретики деколонизации ухватываются за эту таблицу, показывающую благосостояние Индии, поскольку последняя цифра продукции превысила все предыдущие. Они указывают также на рост экспорта индийской пряжи и ткани в Месопотамию, Персию, Аравию и Восточную Африку, а кроме того, на меры, принимаемые правительством для содействия индийскому вывозу в эти страны. Но они не видят, какой ценой все это покупается. Количество ярдов само по себе еще мало значит. Необходимо принять во внимание качество индийской продукции и ее отличие от манчестерской. Прежде чем делать из экономических данных политические выводы, необходимо изучить природу существующего противоречия, потребности империализма и их значение для колониальной страны. Мы уже указывали на то, что британская политика в текстильной промышленности сводится к отказу от выделки грубых сортов и сосредоточению всех сил на производстве изделий тонкого качества, которые являются также и наиболее дорогими, а потому и лучше оплачиваемыми. Развитие индийской промышленности несколько этому не противоречит, напротив, при внимательном рассмотрении обнаруживается полное подчинение индийских интересов интересам империализма и, вследствие этого, тяжелые убытки для индийских производителей.

До 1921 года индийская хлопчатобумажная промышленность обнаруживала тенденцию к выработке преимущественно тонких товаров, тогда как сейчас наблюдается тенденция к усилению производства грубой продукции, для того чтобы Манчестеру было выгодно торговать тонкими сортами. А к этому именно и стремится империалистическая политика. За период с 1914 г. по 1919 г. производство грубых номеров пряжи, ниже 40, упало с 652 млн. фунтов до 615 млн. фунтов и продолжало падать еще в 1924 г. После этого, в соответствии с империалистической политикой, производство тех же сортов постепенно увеличивалось и в 1926/27 г. достигло цифры в 796 млн. фунтов. Подобным же образом, темп роста производства номеров пряжи выше 40 за время 1914—1925 гг. определяется в 300%, тогда как за два последующих года он упал до 83,5%¹ („Commercial Statistics“, 1921, р. 66, и „Capital“ 16/VI 1927).

По поводу качества изготавливаемой материи „Capital“ (там же) приводит выдержку из декларации „Комитета тарифов“: „За последние два года характер индийской продукции заметно изменился, и тонкие сорта в значительной степени вытеснены грубыми“. Далее следует комментарий: „Сравнение импорта с продукцией индийских фабрик в 1926/27 г. указывает на усиление этой тенденции“.

¹ Теоретики деколонизации неправильно относят грубые сорта пряжи к номерам от 1 до 20, в то время как в Манчестере они относятся к номерам от 1 до 40. Таким образом, они затемняют истинное положение вещей.

Возникает вопрос: что выиграли от этой перемены индийские капиталисты? Ответом могут служить следующие данные ассоциации бомбейских фабрикантов („Capital“, 20/X 1927). Хотя цифры эти относятся только к бомбейским фабрикам, но они достаточно показательны и для всей индийской хлопчатобумажной промышленности в целом.

Годы	Первоначальная стоимость зданий, земли и машинного оборудования	Амортизация оборудования на 5% и зданий на 2,5%		Прибыль или убыток с учетом амортизации
		(в млн. рупий)		
1917	17,98	0,73	+ 3,14	
1918	19,54	0,80	+ 2,35	
1919	20,94	0,85	+ 6,74	
1920	33,50	1,27	+ 10,46	
1921	38,08	1,46	+ 8,81	
1922	42,94	1,67	+ 3,56	
1923	46,54	1,81	— 1,28	
1924	46,76	1,83	— 2,42	
1925	46,72	1,85	— 1,87	
1926	44,82	1,77	— 1,88	

Итак, мы видим, что несмотря на увеличение продукции, эти компании несут только убытки. Объясняется это тем, что индийские фабрики вынуждены производить грубые сорта, не дающие такой прибыли, как тонкие товары. Отчет о состоянии торговли за шесть месяцев, с апреля по сентябрь 1927 г., показывает, что хотя индийский экспорт количественно вырос, стоимость его неуклонно падает. Так, с 8.471.860 рупий за январь—сентябрь 1925 г. она упала до 6.538.593 рупий за тот же период 1926 г. и до 6.046.231 рупий в 1927 г. С другой стороны, импорт за тот же период, уменьшаясь в количестве, увеличивался в стоимости. С 331¼ млн. рупий в 1925 г. стоимость его возросла до 347¼ млн. рупий в 1926 г. и до 351 млн. рупий в 1927 г. („Capital“, 10/XI 1927 г.). Перед лицом этих цифр никто не сможет утверждать, что индийская хлопчатобумажная промышленность находится в цветущем состоянии. Здесь наблюдается такой же острый кризис, как и в других отраслях. Манчестер фактически вернул себе индийский рынок ценою существования индийской промышленности, отнюдь не способствуя тому, чтобы Индия „могла занять место в Британском союзе в качестве свободной нации“. Стоимость ввозимого в Индию из Англии искусственного шелка увеличилась с 1,3 млн. рупий в 1922/23 г. до 7,5 млн. рупий в 1925/26 г. и 10¼ млн. рупий в 1926/27 г. „В торговле штучными товарами сообщает „Capital“, Соединенное Королевство достигло значительных успехов, увеличив за истекший период 1926/27 г. свои поставки на 6,5 млн. ярдов“.

Обеспечив, таким образом, интересы Манчестера, империалисты увидели, что в области грубых товаров Индии приходится выдерживать сильную конкуренцию со стороны Японии и Китая, что если в этой конкуренции Индии не будет оказана поддержка, то разовьется кризис, а вместе с ним недовольство рабочих и большевистская опасность. В 1925/26 г., когда бомбейские фабриканты сделали попытку понизить издержки производства путем урезки заработной платы на 11,5%, разразилась всеобщая забастовка, охватившая 155.000 рабочих. Эта забастовка послужила

для империалистов наглядным уроком. Они сразу же поспешили оказать поддержку индийской хлопчатобумажной промышленности, отменили прежнюю 3,5-процентную пошлину на вырабатываемую индийскими фабриками ткань и наконец, провели „Акт о покровительстве бумагопрядению“ 1927 года. Манчестерская торговая палата и Федерация мастеров-бумагопрядильщиков, контролирующая политику империализма в хлопчатобумажной промышленности, в совместно выработанной декларации, поддерживая эту протекционистскую политику, в то же время со всей ясностью говорят о том, что Индия должна быть готова заплатить за это хорошую цену. „Следует надеяться,— говорится в декларации,— что при ныне создавшейся ситуации мы можем прийти к такому положению, когда нужды индийского рынка будут покрываться производителями самой Индии и Ланкашира, путем выработки того типа товаров, на котором она естественно сосредоточит свое производство“ („Times“, 2/XII 1926). Уступка, которой требовали Манчестер и империалисты от индийских хлопчатобумажных фабрикантов, заключалась в том, чтобы последние предоставили им свой рынок в отношении тонких товаров и оказали общую поддержку тарифу имперского предпочтения на весь английский импорт. Ассоциация бомбейских фабрикантов и часть буржуазии согласились на это, к несчастью для индийской промышленности. Отсталая индийская буржуазия за чечевичную похлебку продала свое право на развитие. Сэр Н. Вадиа и д-р Хидар, индийские делегаты на Всемирной экономической конференции в Женеве, заявили, что „наступило время положить конец увеличению тарифов и пойти по противоположному направлению“ („Capital“, 13/X 1927 г.). Наконец, ассоциация бомбейских фабрикантов на банкете, устроенном в честь представителей бюрократии 13 декабря 1927 г., заявила устами своего представителя, что „пришла пора объявить перемирие в борьбе с правительством, которая ведется за усиление покровительства хлопчатобумажной промышленности“. „Исходя из общих соображений,— гласил официальный тост,— ассоциация относится сочувственно к идеи имперского предпочтения и не считает, что, согласившись на него, Индия потерпит сколько-нибудь заметный экономический урон“ („Times“, 14/XII 1927 г.). Однако, эта сдача буржуазии, или, вернее, части ее, не приводит к смягчению кризиса, который мы наблюдаем в ежедневно возникающих забастовках и в недовольстве рабочих, в текстильной промышленности, на железных дорогах и во всей промышленности в целом.

(Окончание следует)